

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории,
философии и литературы

Российский институт театрального искусства – ГИТИС
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1469-6390; zew@list.ru

П. Н. РЫБНИКОВ: МЕЖДУ ЗАПАДНИЧЕСТВОМ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМ (по материалам архива Ю. Ф. Самарина)

А н н о т а ц и я . Ценным материалом являются еще не введенные в научный оборот документы, уточняющие сведения о жизни П. Н. Рыбникова и его отношениях с современниками, хранящиеся в семейном архиве Самариных в фонде рукописей РГБ. К ним относятся письма славянофила Ю. Ф. Самарина, а также отрывок из письма самого Рыбникова. Документы публикуются впервые. Письма Самарина адресованы супругам Черкасским. Материалы приоткрывают завесу над ходом принятия решения о смене места его службы в Петрозаводске и переезде в Царство Польское, детали этого процесса. Кроме новизны, документы уточняют и подтверждают положения, которые А. Е. Грузинский выдвигал с разной степенью обоснованности. Представленные материалы заостряют вопрос о мировоззренческой позиции Рыбникова. Его личность воспринимается сквозь призму идей славянофильства и западничества как центральной проблематики не только XIX столетия, но и нашего времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Рыбников, Самарин, архивные материалы, славянофильство, мировоззрение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Захаров Э. В. П. Н. Рыбников: между западничеством и славянофильством (по материалам архива Ю. Ф. Самарина) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.572

ВВЕДЕНИЕ

Каждый значимый источник информации обладает своей историей, складывающейся из различных дополнений к уже известному материалу. В начале XX столетия А. Е. Грузинский объяснял целесообразность нового издания сборника народных песен П. Н. Рыбникова необходимостью изменений при компоновке текстов с учетом поправок и замечаний, что получило высокую оценку в русской фольклористике. Яркой страницей публикации стала биография собирателя, впервые познакомившая читателей с основными вехами его судьбы. С тех пор сообщение Грузинского утвердилось как основной источник для жизнеописания П. Н. Рыбникова¹. На тот момент текст был составлен с привлечением «новых материалов» из всех известных источников. На протяжении последующего времени биография собирателя дополнялась различными уточняющими документами, но значение главного научного исследования оставалось за ней.

Тем не менее многие жизненные факты собирателя не выяснены и остаются предположительными суждениями авторов. В связи с этим ценным материалом являются еще не введенные

в научный оборот документы, уточняющие сведения о жизни Рыбникова и его отношениях с современниками, хранящиеся в семейном архиве Самариных в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. К ним относятся письма Ю. Ф. Самарина, а также отрывок из письма самого П. Н. Рыбникова. Письма Ю. Ф. Самарина адресованы супругам Черкасским, инициатором этих обращений был сам Рыбников². Материалы впервые публикуются в данной статье, в других изданиях наследия Ю. Ф. Самарина они не были представлены.

* * *

Незаурядная личность Рыбникова привлекала внимание знавших его людей. Его образ мысли и идеи отражали характерные проявления общественной атмосферы целой эпохи. Материалы из архива Самарина приоткрывают завесу над ходом принятия решения о смене места его службы в Петрозаводске и переезде в Царство Польское, а также детали этого процесса.

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) – выдающийся государственный деятель, публицист и православный мыслитель. Он был тесно связан с А. С. Хомяковым и семейством Акса-

ковых, под влиянием которых формировались его убеждения. Его публицистическое наследие отражает важные вехи в истории развития славянофильских концепций – религиозных, политических, государственных и эстетических; богатое эпистолярное наследие освещает малоизвестные исторические факты середины XIX столетия. Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) – видный государственный и общественный деятель пореформенной эпохи. Он участвовал в самых ярких событиях второй половины XIX столетия: как и Ю. Ф. Самарин, активно работал в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу (1859–1860), вместе их призвал товарищ министра внутренних дел Н. А. Милютин³ в комиссию по разрешению трагических последствий мятежа 1863 года в Польше; он занимал должность городского головы Москвы (1869–1871); в последние годы жизни сыграл важную роль в деле установления государственности Болгарии. Куда бы ни был призван князь, везде он проявлял себя как ответственный государственный деятель, обладающий теоретическими знаниями и практическим навыком. Пути Черкасского и Самарина часто пересекались: их объединяла принадлежность к старинным русским дворянским родам, они были выпускниками Московского университета, но главное – уже в юности они утвердились в своей мировоззренческой позиции, определившей их судьбу в деле служения России. Гражданский долг отвлек их от успешной научной деятельности после завершения университета, они сосредоточились на практическом воплощении своих знаний во благо Отечества. Успешная совместная работа сблизила Самарина и Черкасского. Когда в июле 1859 года, в самый разгар работы комиссий, возникла угроза жизни Самарина, только личное участие Черкасского спасло его от неминуемых страшных последствий. В письме к матери Самарин признавался, что Черкасский ухаживал за ним «как брат»⁴. Общение между ними не прерывалось, а к концу жизни Самарина семейство Черкасских становится главным его адресатом. Дело в том, что многие письма Самарин отправлял жене Черкасского – Екатерине Александровне с учетом совместного их прочтения. Включение Черкасской в деловую переписку из-за занятости супруга позволяло коснуться самых разнообразных тем, общение расширялось, прояснялась личная позиция по ключевым вопросам. Самарин обращался к Екатерине Александровне по поводу переводов трудов Хомякова на английский язык как к надежному человеку, безразличному к идеям славянофильства.

Грузинский комментировал отъезд Рыбникова из Петрозаводска:

«В декабре 1866 года Рыбников простился с Петрозаводском, переведенный, как упомянуто было, вице-губернатором в Калиш. Нет сомнения, что этим он был обязан более всего своим московским славянофильским связям: в наших руках было письмо к нему Ив. С. Аксакова от 10 мая 1866 г., где стоит: “Не удастся вам братья отсюда! Самарин несколько раз писал об этом Черкасскому и Милютину. Теперь после 4 апреля все это стало опять затруднительнее и многим досталось в чужом пиру похмелье”. Но едва прошло три месяца, как хлопоты друзей увенчались успехом; в конце августа Рыбников уезжает на месяц в Петербург, вызванный по этому поводу: кн. Черкасский приглашал его к себе на службу в Варшаву»⁵.

Подробно эти события освещаются в представленных материалах из архива Самарина. Отрывки из писем, обращение Рыбникова к Самарину могут послужить документальным свидетельством тех положений, которые Грузинский выдвигал с разной степенью обоснованности.

Обращения Самарина по поводу Рыбникова относятся к тому периоду деятельности Черкасского в Польше, когда он занимал должность главного директора правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского (1864–1866). Самарин в это время отошел от непосредственных польских дел в силу ослабления здоровья. По словам биографа Б. Э. Нольде,

«Юрий Самарин, в полном смысле этого слова, предугадал вперед на полвека исторические пути России и Польши, со всеми многообразными и громадными по своему значению последствиями новой политики для обеих стран и для всей Европы»⁶.

Учитывая разнообразные статьи Самарина по Польскому вопросу, можно утверждать, что для него Польша всегда оставалась актуальной проблемой, благодаря которой он оценивал общую атмосферу европейской политики. Первостепенным делом он считал проявление участия к польским крестьянам, которых использовали противники России в своих целях. Самарин убедился на месте, что главные претензии крестьян направлены к помещикам, нарушающим государственное законодательство и лишаящим собственных крестьян гражданских прав. Личные беседы с крестьянами убедили Самарина в очевидном: казенные крестьяне сами осознавали свое превосходство над помещичьими как в хозяйственном, так и в нравственном отношении⁷. Подобные настроения нужно поддерживать для избавления Царства Польского от очагов общественного напряжения, для достижения этого требовалось утверждение

администраторов-государственников на местах. Этим объясняется интерес к личности Рыбникова, как и к другим кандидатам, изъявившим желание служить в Польше на более высоких должностях, чем в самой России. Папка, в которой хранится подборка копий писем Самарина к Черкасским о Рыбникове, начинается с необычного вступления: «Комиссия по вербовке охочих людей в наездной жонд Царства Польского. Экзекуторские дела № 1». После этого заголовка начинается письмо:

«Вашему Сиятельству имею честь донести, что по отъезде Вашем в Варшаву, явился ко мне Московской губернии, Верейского уезда Мировой посредник Клименко с письмом от Николая Николаевича Павлова, в коем прописывал, что вышереченный Клименко из Мирowych Посредников по всем статьям первый, к делу рачителен, умом тверд и характером зрел и что он, Павлов, по короткому с ним знакомству, за него ручается»⁸.

Официально-ироничное начало сменяется дружественным тоном, Самарин объясняет суть дела по поводу некоего Клименко, характеризуя его как надежного человека для участия в комиссиях по регулированию Польского вопроса на месте. Затем переходит на другие темы, напоминая об общих знакомых. Приведенные сведения позволяют судить о том, что Самарин уже выполнял некоторые поручения по поиску проверенных людей для ответственных должностей в Царстве Польском.

Письмо, содержащее необычное вступление, в папке датировано «7 марта 1864», обращение к Черкасскому по поводу назначения Рыбникова не датировано и без вступления, что мог себе позволить Самарин. Возможно, обращение является припиской к предыдущему самаринскому письму из Москвы к Екатерине Александровне Черкасской от 19 мая 1865 года. Причем на нем стоит дата «весна 1865», приписанная карандашом при нумерации документа в папке архива:

«Не знаю, любезнейший Князь, помните ли Вы некоего Рыбникова. Может быть, Вы встречали его очень молодым человеком и очень привлекательной наружности у Хомякова, у которого он некоторое время жил и давал уроки.

Хомяков считал его одним из даровитейших людей молодого поколения того времени и пророчил в нем замечательного ученого, хотя, по крайней мере, в то время он шел по диаметрально противоположному с ним направлению. После этого Рыбников сослан был в Вятку, оттуда переведен на службу в Олонецк, там дослужился до Советника Губернского Правления, женился, собрал и издал драгоценное собрание былин и песен в трех томах, четвертый подготовил. Надзор полиции с него снят, но запрещение служить в столицах не снято. Третьего дня он провел у меня целый вечер и рассказал мне пропавший интересный об Олонецкой губернии, об отношении русского племени к финскому, о расколе,

о разных формах землевладения и, между прочим, о постепенном переходе личного землевладения в общинное. Теперь Олонецкая губерния ему надоела, и он заговаривал со мною о переходе на службу в Польшу. Я перевел разговор на другое, но, вероятно, он опять обратится к этому письменно. Что мне отвечать ему?

Я могу сказать о нем вот что: дарования замечательные и несомненные, ученое образование как у весьма немногих, навык, способность и охота к труду положительны. Затем, сколько я могу судить по одному с ним разговору, 7 лет, проведенных за делом, в лесной глуши, не только не испортили его, а, напротив, отрезвили; на Польский вопрос он, кажется, смотрит здраво.

На днях я ожидаю в Москву аббата Guettee⁹, о котором я Вам говорил; он здесь пробудет дней десять. Не дадите ли Вы мне к нему каких-нибудь поручений?

Хотелось бы мне окончить просьбою, чтобы Вы не расходовали бесцельно своих сил и берегли свое здоровье, но я знаю, что подобные просьбы ни к чему не ведут.

Итак, да бережет Вас Бог и да пошлет Вам дивный дар самосохранения, которым так щедро наделен Ваш начальник¹⁰. Душевно Вам преданный Юрий Самарин»¹¹.

Следом за первой рекомендацией представлено письмо Рыбникова к Самарину, на котором имеется пометка составителя-архивиста: «Письмо Рыбникова к Ю. Ф. от 25 июня 1865 г.». Также сверху неизвестной рукой подписано карандашом: «Петр Николаевич Рыбников в Петрозаводске». Письмо без вступления, что нехарактерно для подобного обращения; возможно, представлена только часть от целого документа:

«Только на две недели с половиною покинул я Олонецкую губернию; но это непродолжительное отсутствие вполне убедило меня, что оставаться долее в Петрозаводске было бы для меня и вредно, и тяжело. Решаюсь напомнить наш разговор при последнем свидании и покорнейше просить Вас о сообщении, могу ли я надеяться получить в Царстве Польском место, сколько-нибудь обеспечивающее семейного человека; и если мое желание исполнимо, к кому должен я обратиться с просьбою о перемещении.

Воспоминания свои об Алексее Степановиче я записываю постоянно и как скоро обработаю хоть один отдел, немедленно препровожу к Вам.

С чувством совершенного почтения и преданности. П. Рыбников. 25 июня 1865 г.»

После письма, ниже на листе приписано от Самарина:

«Любезнейший Князь, вот письмо только что мною полученное от Рыбникова. Не зная какой дать ему ответ, я ему отписал, чтоб он обратился прямо к Вам.

Ваш Ю. Самарин. 4 июля. С. Рождествено»¹².

Далее в письме к Е. А. Черкасской от 21 октября 1865 года из своего волжского имения Васильевского в заключение Самарин добавляет:

«Дружески обнимаю Князя. Я рад, что он сошелся с Рыбниковым; он будет ему отличным помощником. Нигилист женатый уже полуобращенный человек. Душевно Вам преданный Ю. Самарин»¹³.

Приведенные сведения помогают определить хронологию событий, предшествующих назначению Рыбникова вице-губернатором в Калише. Первое желание сменить место службы в письмах Самарина датируется весной 1865 года, затем июньское напоминание того же года о своей просьбе, и только в декабре 1866 года он покидает Петрозаводск, как об этом свидетельствует Грузинский. 4 апреля 1866 года совершено покушение на Александра II, что могло осложнить назначение Рыбникова, однако Грузинский указывает на неожиданный поворот, из-за которого в скором времени изменилось положение собирателя. Очевидно, что решение принималось долго и утомительно для Рыбникова. На этом фоне последнее обращение Самарина по поводу Рыбникова к Е. А. Черкасской от 21 октября 1865 года способно вызвать различные толкования из-за возможного предположения, что уже в конце октября Рыбников поступил на службу под руководством князя Черкасского. Однако на основе представленных документов очевиден вывод: утверждение Самарина по поводу назначения, скорее всего, лишь предварительная договоренность, на реализацию которой понадобилось больше года.

В письме к сыну Хомякова осенью 1860 года после известия о смерти его отца Рыбников напоминает о просьбе Самарина записать воспоминания о нем: «Я иначе поминаю Вашего отца. По просьбе Ю. Ф. С. я записываю смысл его бесед со мною. Таким образом, личность А. С. постоянно присутствует в моей мысли, еще влияет на нее...»¹⁴. Рыбников использует инициалы, что понятно собеседникам и, видимо, современникам Грузинского. В представленном письме Рыбникова Самарину уточняется, по чьей просьбе Рыбников писал воспоминания о Хомякове, судьба которых, к сожалению, неизвестна.

Грузинский в биографии упоминает имя Самарина несколько раз при весьма характерных обстоятельствах. Автор обосновывает идейную близость Рыбникова с А. С. Хомяковым и семейством Аксаковых. Биограф, называя Рыбникова либеральным студентом, указывает на многогранность его интересов, одновременно обосновывает сближение со славянофилами их вниманием к судьбам народа, что и определило интерес к собирательскому делу. К тому же здесь встречается первое упоминание имени Самарина, попавшего после распространения «Рижских писем»¹⁵ под подозрение московского генерал-губернатора, намечаются контуры внешнего объединения Рыбникова со славянофилами, значимым фактором являются сведения о сближении с Хомяковым, ос-

новоположником общественного направления в русской мысли.

Грузинский склонен к обоснованию славянофильского влияния в собирательской работе Рыбникова. Знакомство с А. С. Хомяковым, затем живой отклик на его кончину указывают именно на эту тенденцию. Характеризуя время обучения в университете, Грузинский выявляет закономерность мировоззренческого выбора Рыбникова:

«Занятия <...> народной поэзией или старой русской письменностью неизбежно связывались для ученого с необходимостью определить так или иначе свое отношение к идее народности, к общему ходу исторических судеб русского народа, к вопросу о самобытности развита, к западничеству и славянофильству»¹⁶.

Обосновывается естественность возникшего выбора между славянофильством и западничеством как историческое определение собственной общественной позиции в XIX веке. В том же контексте вспоминается характер употребления слова «славянофил», примененного к собирателю народной поэзии. Например, А. Д. Соймонов, исследователь творческого наследия П. В. Киреевского, приводил следующее суждение:

«Впоследствии декабрист Г. С. Батеньков, хорошо знавший Петра Васильевича, писал: “Увидясь с Жуковским, скажи ему от меня, что он отчаянный Археолог и Славянофил и что его муза увлекла тебя на избранный тобою путь”. Называя Жуковского археологом и славянофилом, Батеньков подразумевал под этим обращение фольклору и влияние в этом смысле на Киреевского» [5: 39].

Понятие «славянофильство» прямо соотносится с проблемой народности, определяющей начала общественного развития России. Славянофильство представляется как исторически обусловленное явление в жизни общества, в рамках которого собирательское дело являлось важной составляющей национального самосознания. Несомненно, интерес к жизни народа проявлялся как общая тенденция, определившая возникновение новой науки – фольклористики, базирующейся на собранном к тому времени материале. В России призывы к активной собирательской работе звучали на протяжении всего XIX столетия. М. К. Азадовский описывал характерную ситуацию начала века:

«На страницах “Московского вестника” появлялись неоднократно призывы к собиранию памятников народной поэзии, подчеркивалось их общественное и литературно-научное значение, помещались иногда и сами тексты...» [1: 251–252].

В биографии Грузинский впервые приводит свидетельство о том, что Рыбников обучал детей Хомякова в семейном имении Богучарове. До этого Самарин напоминал о Рыбникове в связи с его преподавательской деятельностью

в доме Хомякова. Выбор Хомяковым наставника для детей примечателен тем, что он привлёк для этого ответственного дела человека, казалось бы, противоположных идейных взглядов. Известная твердость и приверженность Хомякова выбранному пути и его последовательность в отстаивании взглядов могут вызвать непонимание. Замечания Самарина позволяют уточнить, что Хомяков видел в Рыбникове не оппонента, а здравомыслящего человека, образованного и разностороннего, в силу своего возраста выбравшего яркие идеи «прогрессивного» характера. Биограф называет единомышленников Рыбникова по кружку вертепников «передовыми людьми»¹⁷, что, в свою очередь, в характеристике Самарина получило исчерпывающую оценку – «нигилист». Подобная жизненная ситуация отражает один из важных сюжетов русской литературы: переосмысление молодым человеком своих романтических и радикальных взглядов. Это знакомо и самому Хомякову, поэтому так настойчиво он пытался включаться в современные дискуссии с молодежью. История отношений Хомякова и Рыбникова напоминает характер взаимоотношений внутри самого направления. Ю. Ф. Самарин и К. С. Аксаков стали последовательными единомышленниками Хомякова в тот момент, когда по окончании университета сами нуждались в осмыслении жизненного пути и духовном наставничестве.

Таким образом, начиная с первой биографии Рыбникова, исследователи заостряли внимание на вопросе о его мировоззренческой позиции, связанной с идейными влияниями того времени. Его личность воспринималась сквозь призму столкновения славянофильства и западничества как центральной проблемы не только XIX столетия, но и нашего времени, на что обращается внимание и в последующих исследованиях.

Советскому ученому А. П. Разумовой пришлось отстаивать Рыбникова от «поспешного» причисления в ряды фольклористов славянофильского толка, поправляя М. Горького, опирающегося на работы А. Н. Пыпина¹⁸ и А. Е. Грузинского. Она усиливает акцент на студенческом кружке вертепников, который посещал Рыбников, туда же приглашали А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, среди участников также упоминаются Самарин и И. С. Аксаков [3: 15]. Славянофилы оппонировали студентам, увлекающимся радикальными идеями, вплоть до свержения самодержавия. Автор сделала вывод:

«Интерес Рыбникова к народному творчеству, таким образом, следует объяснять не связями с Хомяковым, как это утверждали буржуазные исследователи, а влиянием демократического общественного движения и, прежде всего, влиянием революционных демократов – Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова» [3: 32].

Разумова останавливалась на студенческих годах Рыбникова и всю его собирательскую деятельность подводила под радикальные взгляды, которые определили весь дальнейший жизненный путь собирателя. После описания отъезда Рыбникова в 1866 году из Петрозаводска автор заключила: «Последний период его жизни не представляет для нас интереса» [3: 73]. Тем самым внимание к судьбе Рыбникова ограничивается только временем его собирательства, без освещения эволюции общественных взглядов.

Историк русской этнографии С. А. Токарев в 1966 году, также следуя требованиям времени, называл Рыбникова «представителем демократического течения в фольклористике и этнографии». В связи с этим судьба Рыбникова после Петрозаводска уже не занимала исследователя:

«Вскоре после публикации своего сборника былин Рыбников был освобожден от полицейского надзора и уехал из Петрозаводска. Он постепенно охладел и к науке, и к народу, сильно поправел и кончил свою жизнь калишским вице-губернатором» [6: 345].

Однако Токарев сделал важное уточнение о прежних «славянофильских связях», позволивших Рыбникову занять должность в губернском статистическом комитете, что облегчало его собирательскую деятельность.

Идеологический подход ощутим в публикациях различных эпох, настоящая потребность заключается в объективном осмыслении всех составляющих мировоззрения собирателя. К тому же с позиции известных исторических результатов возможен аксиологический анализ суждений того или иного деятеля. Примечательно, что в работе современного польского исследователя революционные увлечения Рыбникова выделяются как единственные побудительные причины всей его деятельности [2: 124].

Пост вице-губернатора Калиша вряд ли представлялся для Рыбникова пределом его желаний. Он обратился к Самарину с намерением встать рядом с людьми, которые вершили судьбу не только Польши, но и России, где бы в полной мере смогли проявиться его незаурядные способности. Но Милютин был сражен инсультом, а Черкасский не видел возможности исполнения своих намерений под руководством Д. Н. Набокова. Даже обращение Александра II не имело воздействия, и Черкасский, удаляясь от дел в Польшу, поставил себя в невыгодное положение для возможности какого-либо влияния на ход событий. Рыбников остался без покровительства для выполнения той роли в западном крае, которую ему определял А. Ф. Гильфердинг в неотправленном письме¹⁹; он действительно оказался оторванным от общих занятий,

к которым он был призван своей талантливой натурой. Таким образом, благодаря сведениям из архива Самарина можно проследить за усилиями Рыбникова и характером предпринимаемых мер для изменения собственного положения в 1865–1866 годах.

Нельзя оставить без внимания, что намерение Рыбникова служить в Царстве Польском исследователи воспринимают скептически, хотя важность решения не может оспариваться как предмет его искренних усилий. Однако то, к чему так стремился Рыбников, оказалось во многом, к сожалению, нереализованным, потому что он оказался в одиночестве при утверждении своих государственных намерений.

При встрече Самарин заинтересовался рассказами Рыбникова с места службы как предметом своих профессиональных занятий. Национальный вопрос на русских окраинах для славянофила представлялся первоосновой государственного устройства России. Любые сведения позволяли ему определить общую стратегию в утверждении целенаправленного подхода на местах. Его сочинения «Рижские письма» (1848) и «Окраины России» (1867–1876), посвященные прибалтийским землям, обосновывали важность и востребованность сведений для прояснения обстановки в приграничных районах страны. К тому же Рыбников оказался в курсе дел земельного устройства крестьян на общинных началах в Олонецкой губернии, что и было оценено славянофилом.

Среди поднятых проблем особую значимость для Самарина и Рыбникова имел Польский вопрос. Самарин не изменял своим убеждениям, что польский народ необходимо настроить на про-русскую позицию, после чего Польша должна получить суверенитет по инициативе России. Самарин увидел обоснование своим суждениям, напрямую общаясь с польскими крестьянами, искренне расположенными к русскому правительству. Прозападная шляхта, поддерживаемая европейской пропагандой, составляла основную антирусскую силу, на передовой информационной позиции которой стоял герценовский «Колокол». Для противостояния мощнейшему напору Самарин принимал участие в подборе кандидатов на административные должности в польских городах. Беседы с Рыбниковым позволили рекомендовать его Черкасскому как человека, «здорово» смотрящего на проблему, хотя из записок, приведенных Грузинским, ясно, что Рыбников не вполне осознал перспективное направление государственной политики в отношении Польши. Так, в его записках находим сетования:

«Разве обрусение имели целью Александр II и Милютин, давая самостоятельность крестьянскому сословию? Разве обрусение имел в виду беспощадный к полякам

кн. Черкасский? Он хотел применить к Польше старинный московский прием объединения: снять верхний слой народа и заменить его заезжими русскими людьми. Предполагалось при этом, во-первых, что освобожденное от гнета шляхетских тенденций крестьянство окажется в состоянии возродить польскую национальность на каких-то новых началах, во-вторых, предполагалось дать Польше все, что дано России. Но 17 лет минуло со времени печальных событий 1863 года, а здесь еще нет ни городских, ни земских учреждений, ни мало-мальской свободы прессы, ни суда присяжных, ни свободы учреждения промышленных, торговых, ссудо-сберегательных, потребительных ассоциаций»²⁰.

В словах Рыбникова слышится общий мотив суждений Милютина, Черкасского и Самарина, но реализация государственных задач в деле сохранения польской национальности, по-видимому, шла несколько в ином направлении, чем виделось собирателю. Например, Черкасский, кроме всего прочего, утверждал общую со славянофилами позицию по нейтрализации римско-католического политического влияния, определяя конкретные меры по ограничению «полоно-латинства», избавления от кураторства польских помещиков в греко-униатских приходах, более того, обосновывал «меры против сохранения униатов в латинстве» [7: 21]. Самарин убедительно подтверждал слова единомышленника в статье «Современный объем польского вопроса» (1863):

«Окончательное разрешение Польского вопроса, такое разрешение, которое бы удовлетворило поляков, *немыслимо без коренного, духовного их возрождения*. Нужно, чтобы Польша отеклась от своего союза с латинством и, наконец, помирилась бы с мыслью быть *только собою*, то есть одним из племен славянских, служащим одному с ними историческому призванию; нужно, с другой стороны, чтобы Россия решилась и сумела сделаться *вполне собою*, то есть историческим представителем православно-славянской стихии. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно признанное, одного просветительного начала над другим»²¹. В этом смысле, повторим слова г. Страхова: «Польский вопрос есть и долго будет вопросом русским»» [4: 354].

Данная позиция обосновывает и дальнейший суверенитет Царства Польского как дружественного государства России, по свободному волеизъявлению которой должна утвердиться его будущность. Таким образом, именно духовное возрождение для Польши в православной традиции подразумевалось реформаторами; воспринял ли Рыбников эту идею в предполагаемой форме, сложно сказать по отрывкам, приведенным Грузинским.

При характеристике Рыбникова Самарин уделяет внимание психологическому аспекту становления личности, чьи взгляды формируются условиями повседневной жизни в семье.

Отрезвление от радикализма, «полуобращенность» Рыбникова для Самарина становятся надеждой на возвращение талантливого человека в лоно самоотверженного служения России. Самарин вместе с единомышленниками предвидел, к каким разрушительным последствиям приведет страну увлечение «передовыми» идеями, оторванными от духовных основ русского народа. Поэтому для него, подобно П. В. Киреевскому, отрицающего «проклятую чаадаевщину»²², неприемлемы никакие сделки с «прогрессистами», зараженными «белиновщиной» и «чернышевщиной»²³. Главный упрек адресован А. И. Герцену за его пагубное влияние на молодое поколение:

«Сразу виден человек, окончательно испорченный Герценом и компаниею, человек, утративший простоту и всякую искренность чувств, заразившийся революционной чесоткою, тою самою болезнью, которую Герцен привил у нас сотням и тысячам, и от которой он сам сходит с ума и пропадает нравственно...»²⁴.

Следовательно, семья Рыбникова рассматривается Самариным как условие сохранения цельности личности, способной нести ответственность не только за себя, но и за ближнего. Нравственный аспект приобретает приоритетное значение в осмыслении становления личности. В середине XIX века со стороны прозападной интеллигенции активно расшатывались традиционные устои, обосновывающие святую браку. Предельную отвлеченность и искусственность подобных утверждений Самарин подтверждал после прочтения посмертной публикации дневников Герцена:

«Признаюсь, меня более всего поражает в этой скорбной и трогательной исповеди, что самая убедительная апология брака как святыни, какую мне довелось читать, вышла из-под пера человека, систематически отвергавшего ее»²⁵.

В этом проявляются нравственные основы противопоставления славянофильства и западничества, которые по-разному рассматривали фундаментальные условия развития общества. Славянофилы утверждают, что для развития общества недостаточно лишь социально-политических преобразований, если они не опираются на традиционные духовные ценности. В связи с этим вспоминается роман «Подросток» Ф. М. Достоевского, где выражена мысль о трагедии общества из-за разрушения института семьи как условия духовного формирования личности, следствием чего становится распространение «случайных семейств»: «Множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимою силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспор-

рядке и хаосе»²⁶. Осознание зависимости состояния общества от нравственной природы человека определяет его иммунитет к утверждению радикализма в сознании. Тем самым обосновывается важное условие в противостоянии славянофилов с западниками: нравственный источник жизни, формирующий общественный фундамент, что так целенаправленно отстаивали сторонники Хомякова. Это подтверждается и в невольном признании Герцена при воспоминании о К. Аксакове, что славянофилы черпали свою любовь к стране и народу от самой «матери», а западники – опосредованно от «французской гувернантки», отсюда и разница в их восприятии России. Напоминание о семье Рыбникова для Самарина становится важной характеристикой, определяющей жизненный выбор человека. Важно подчеркнуть, что славянофил наделяет целостной психологической характеристикой человека, готовящегося занять государственную должность: «Нигилист женатый уже полуобращенный человек»²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Примечательно, что для Самарина интерес к Рыбникову продиктован фактом его знакомства с А. С. Хомяковым, основавшим центральное направление в общественной мысли России середины XIX столетия. Самарин пытался выявить результаты идей Хомякова в деятельности Рыбникова, который оставался искренне ему признательным и с благодарностью его вспоминал.

Представленные материалы не только открывают новые сведения и способствуют уточнению обстоятельств, повлиявших на решение Рыбникова покинуть Петрозаводск, но непосредственно подводят к проблеме изучения служебной деятельности собирателя. Его личные качества проявлялись в успешной государственной деятельности на всех поприщах. Несмотря на положение ссыльного, должность в Петрозаводске свидетельствует о высокой оценке его личного потенциала. Именно об этих качествах упоминал Самарин в характеристике Рыбникова для возможной службы в Польше. Сегодня требуется содержательное дополнение известных фактов деятельности Рыбникова как в Петрозаводске, так и на должности вице-губернатора Калиша. Славянофильская оценка Рыбникова важна при утверждении его как общественного деятеля, мыслящего государственными масштабами. Сведения из архива Самарина обогащают исследования служебной деятельности Рыбникова, что, в свою очередь, позволит восстановить жизненный путь собирателя русского фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1. М.: Сотрудник школ, 1909. С. VII–LX.
- ² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Копии писем Ю. Ф. Самарина к кн. Владимиру Александровичу и кн. Екатерине Александровне Черкасским. Л. 221–226, 257. Папка озаглавлена рукой составителя на отдельном титульном листе. На страницах две нумерации: одна – синим карандашом, другая – простым. Синяя нумерация (как и простая) начинается непосредственно с первого листа самих писем, но синяя начинается с 388-го номера, а простая с 1-го. Над начальной страницей синим стоит обозначение, по всей видимости, нумерации письма «№ 74». Первое письмо в папке датировано «7 марта 1864», на обложке самой папки стоят даты писем, в нее входящих: 1855–1876, сделанных синим карандашом. Отсюда можно предположить, что переписка началась с 1855 года, фактически же в большинстве случаев письма известны с 1864 года. Однако в папке Ед. хр. 2. хранятся более ранние документы из их переписки.
- ³ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), экономист, статистик, служил в Министерстве внутренних дел, товарищ министра (1859–1861), статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866).
- ⁴ Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. 2-е изд. Paris: YMCA-Press, 1978. С. 118.
- ⁵ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. XLIX.
- ⁶ Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. С. 185.
- ⁷ Самарин Ю. Ф. Поездка по некоторым местностям царства Польского в октябре 1863 года // Сочинения: В 12 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1900. С. 346–386.
- ⁸ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 1–2.
- ⁹ Архимандрит Владимир (в миру Рене-Франсуа Геттэ или Геттэ, фр. René François Guettée; 1816–1892), доктор богословия, сначала католический, а затем православный священник.
- ¹⁰ Речь идет о Н. А. Милютине.
- ¹¹ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 221–224.
- ¹² Там же. Л. 225–226.
- ¹³ Там же. Л. 257.
- ¹⁴ Рыбников П. Н. Извлечение из писем П. Н. Рыбникова по поводу издания его сборника // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 4 ч. Ч. 2. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Типография А. Семена, 1862. С. III.
- ¹⁵ Во время службы в Риге (1846–1848) Ю. Ф. Самарин, кроме своих служебных обязанностей, написал письма об Остзейском крае, которые распространял через единомышленников среди петербургской и московской публики. Общую идею исследования Самарин выразил в письме к К. С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежедневное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей – вот что волнует во мне кровь и я тружусь для того только, чтобы *привести этот факт к сознанию, выставить его перед всеми*» (апрель 1848). Вскоре по приезде в Петербург его заключили в Петропавловскую крепость на 12 дней, 17 марта 1849 года после личной встречи с императором Николаем I он был отпущен и отправлен в Москву, где ожидал дальнейшего назначения (подробнее: Самарин Д. Ф. Самарин Юрий Федорович // Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918. Т. 28. С. 137–138).
- ¹⁶ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. XII.
- ¹⁷ Там же. С. XVI.
- ¹⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии: В 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1892.
- ¹⁹ Грузинский А. Е. П. Н. Рыбников. С. L.
- ²⁰ Там же. С. LII.
- ²¹ Так или почти так понято разрешение Польского вопроса гг. Гильфердингом, Страховым, Бессоновым и Вернадским (в «Инвалиде»). (Примечание, сделанное братом Самарина Д. Ф. Самариным при первой публикации сочинений).
- ²² Киреевский П. В. Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову / Ред., вступит. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. С. 33.
- ²³ ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 38. Ед. хр. 2. Л. 19.
- ²⁴ Там же. Л. 49 об.–50.
- ²⁵ Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т. А. Медовичева. М.: ТЕРРА, 1997. С. 238.
- ²⁶ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб.: Изд. А. Г. Достоевской, 1906. Т. 9. С. 529.
- ²⁷ Скучные сведения о жене П. Н. Рыбникова пополняются современными петрозаводскими исследователями: «Интересной архивной находкой были документы о бракосочетании П. Н. Рыбникова, где упоминалось имя невесты Павла Николаевича, дочери Председателя Олонецкой Казенной Палаты, барона Леопольда Адольфа Фон-Штемпеля: девица Ангелика, Аполлония, Ольга Леопольдова. Венчание состоялось 9 июля (ст. ст.) 1861 г. в Петрозаводском Кафедральном Соборе. Венчал молодых протоиерей Феодор Рождественский с протодиаконом Григорием Пидьмозерским. Со стороны жениха поручителями выступил Олонецкий губернатор генерал-майор Александр Александрович Философов. Павел Николаевич Рыбников вошел в семью знатных и высокообразованных петрозаводчан. Отец невесты принадлежал к древнему немецкому роду, имел заслуженные награды: Орден Св. Владимира III степени, Орден Св. Станислава I степени, Орден Св. Анны I степени. Мать невесты, Анжелика Аннетта де Сент-Лоран, внучка генерал-лейтенанта и кавалера Василия

Ивановича де Сент-Лорана, гражданского губернатора Омской области. По свидетельству А. Е. Грузинского, Павел Николаевич вел переписку с А. В. де Сент-Лораном, по-видимому, Андреем Васильевичем, дядей невесты. Брак был счастливым для молодого фольклориста, и в минуты невзгод он находил утешение в семейном кругу» (Набокова И. Очарованный словом // Кизи. 2012. № 1 (85) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/95/2432.html> (дата обращения 01.08.2020)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
2. Плущенничак Д. Этнограф и калишский вице-губернатор Павел Николаевич Рыбников // Рябининские чтения: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 124–126.
3. Разумова А. П. Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 143 с.
4. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / Сост., предисл. и коммент. Э. В. Захарова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
5. Соймовов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971. 360 с.
6. Токарев С. А. История русской этнографии / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.
7. Черкасский В. А. Национальная реформа / Сост., предисл. и коммент. А. К. Голикова; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 592 с.

Поступила в редакцию 13.07.2020; принята к публикации 16.11.2020

Original article

Eduard V. Zakharov, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.,
Russian Institute of Theatre Arts – GITIS (Moscow, Russian
Federation)
ORCID: 0000-0002-1469-6390; zew@list.ru

P. N. RYBNIKOV: BETWEEN WESTERNISM AND SLAVOPHILISM
(study of the materials from the archive of Yu. F. Samarin)

Abstract. Documents from the Samarin family archive stored in the manuscript collection of the Russian State Library have not yet been introduced into academic circulation and have important research value, since they can provide some clarifications on the life of P. N. Rybnikov and his relations with the contemporaries. These materials include information from the letters of the prominent Slavophile Yu. F. Samarin, as well as an excerpt from the letter of P. N. Rybnikov himself. The studied documents are published for the first time. Samarin's letters are addressed to the Cherkassky family. The materials shed some light on how Rybnikov made a decision to change his place of work in Petrozavodsk and move to the Kingdom of Poland and give some details of this process. Besides providing new information, the documents clarify and confirm the provisions put forward by A. E. Gruzinskiy with varying degrees of justification. The presented materials focus on Rybnikov's worldview. His personality is perceived through the prism of the Slavophile and Westernist ideas as a central issue not only of the XIX century, but also of our time.

Key words: Rybnikov, Samarin, archival materials, Slavophilism, worldview

For citation: Zakharov, E. V. P. N. Rybnikov: between Westernism and Slavophilism (study of the materials from the archive of Yu. F. Samarin). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.572

REFERENCES

1. Azadovsky, M. K. History of Russian folkloristics. (O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2014. 1056 p. (In Russ.)
2. Plutsennichak, D. Ethnographer and Kalish Vice-Governor Pavel Nikolaevich Rybnikov. *Ryabinin Readings: Proceedings of the VII Conference on the Study and Mainstreaming of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2015. P. 124–126. (In Russ.)
3. Razumova, A. P. The history of Russian folkloristics: P. N. Rybnikov, P. S. Efimenko. Moscow, Leningrad, 1954. 143 p. (In Russ.)
4. Samarin, Yu. F. Orthodoxy and nationalism. (E. V. Zakharov, Comp., Foreword and Comm.; O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2008. 720 p. (In Russ.)
5. Soymonov, A. D. P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad, 1971. 360 p. (In Russ.)
6. Tokarev, S. A. History of Russian Ethnography. (O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.)
7. Cherkassky, V. A. National reform. (A. K. Golikov, Comp., Foreword and Comm.; O. A. Platonov, Ed.). Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.)

Received: 13 July, 2020; accepted: 16 November, 2020